

Куприн А.И.

**Рыжие, гнедые,
серые, вороные...**

БЭК

Куприн А.И.

Рыжие, гнедые, серые, вороные... / Куприн А.И.—М.:ДА!Медиа, 2015.

«Рыжие, гнедые, серые, вороные...» – цикл очерков русского писателя Александра Ивановича Куприна (1870-1938). Состоит из 4 очерков, написанных в 1928 году. Первый очерк цикла с подзаголовком «Вязь рассказов» впервые был опубликован в 1928 году в парижском журнале «Иллюстрированная Россия». В 1929 году цикл был включен в сборник «Елань», изданный в Белграде.

Любовь Куприна к животным, в частности к лошадям, и великолепное знание их нравов и повадок широко известны. На протяжении всей доэмигрантской жизни писатель был завсегдатаем бегов и скачек, дружил со многими наездниками. Интерес к конному спорту не угасал у него и на чужбине. В основу цикла, включающего очерки «Илья Бырдин», «Великий размах», «Могучий» и «Крутой характер», легли устные воспоминания русского наездника Н. Черкасова о дореволюционных конных заводах, коннозаводчиках, беговых лошадях и наездниках.

ISBN 978-5-4472-4308-1

© ООО «ДА!Медиа», 2015

I. Илья Бырдин

Он невысокого роста, но строен, прям и крепко сложен. Серые глаза его посажены несколько близко к носу, но в них зоркость и смелость. Движения точны и гибки. Руки у него маленькие, но, даже при обычном осторожном пожатии, чувствуется их тугая упругость, сталь (вспомните толстовского троечника Балагу).

Он прекрасный собеседник; рассказ его жив, быстр и в меру насыщен содержанием. Только у русского, очень, совсем, насквозь русского человека, говорящего о своем привычном и любимом деле, можно заметить такую точность определений и чистоту языка, такую сжатую свободу речи и легкую послушность необходимых слов. Разговор с ним тем еще приятен, что он мало говорит о себе и совсем ничего о своих успехах на ипподроме; разве вытянешь из него насилию-насилию... Так, не от него, а из спортивного французского журнала, из статьи Little Driver'a я узнал о замечательном рекорде нашего славного наездника, который в продолжение одного бегового дня взял в семи заездах семь первых призов. Явление почти невозможное, особенно, если вспомнить, что знаменитый французский жокей Парфреман, прозванный на пелюзе "le crocodile" за ту неистовость, с которой он пожирал призы, пространство и своих соперников, взял однажды только пять первых призов в шести дневных скачках.

Благодаря этой-то личной скромности, рассказ наездника так значителен и занимателен. Это — история русского коневодства и коннозаводства, это — история русского рысака от старинных великих орловцев "Сметанки" и "Барса" до чистокровных и чистопородных хреновских, наконец, до нынешней метизации голубой орловской крови с сухой и терпкой кровью американского рысака; это — история великих охотников рысистого бега.

Первый, кого вспоминает Николай Кузьмич, это московский лошадиный барышник Илья Бырдин. Во времена Бырдина мой наездник еще и не родился на свет божий, а мне, пишущему эти строки, было тогда лет пять-шесть не более, но имя Бырдина я успел удержать в своей московской памяти. Кроме торговли конями, Бырдин держал свой собственный завод и пускал лучших лошадок на бега, не так ради денег, — призы тогда были игрушечные, — как из честолюбия.

— Москва, — говорит Николай Кузьмич, — усесистая Москва, совсем особенный город. Даже не город, а отдельное ни на что не похожее

государство: путаное, смешанное, причудливое, черт знает какое широкое, иногда трогательное, иногда жестокое, но все-таки великое! Все друг друга знали. Любого извозчика вы могли бы в наше время спросить: кто первый в Москве по голосу и по красоте служения протодьякон? Вам ответят без запинки, — Шаховцев. Кто главный кулачный боец? — Никита Плешкин. — У кого лучшая голубиная охота? — У Сережки Вязьмитинова в Малом Голутвенном, что за Москвой-рекой. — В чем трактире курить не дозволяется и соловьи в клетках? — У Егорова в Охотном. — Чей церковный хор поет умильнее прочих? — Хор Сахарова. — У кого самые вкусные расстегаи? — Ну, конечно, у Тестова, а калачи — у Филиппова. — Кто первый мастер устраивать народные гулянья, балаганы на Девичьем, фейерверки и ледяные горы? — Обязательно Сергей Шмелев. Так и Бырдина знала вся Москва, как непревосходимого ценителя и знатока лошадей.

Николай Кузьмич говорит, что его он не застал, но много ему о Бырдине рассказывал Алексей Федорович Шереметев, бывший лейб-гусар, промотавший очень много состояний, отличный скакун в стипль-чезе и на гиппических конкурсах, а на старости лет предавшийся целиком беговой охоте.

Бырдин был старообрядец, ходил в поддевке, сапоги бутылками, волосы острижены под горшок. Ни для кого не менял свои манеры. Надо сказать, что в те времена рысистой лошастью начали заниматься даже и большие господа. После братьев Орловых был какой-то перерыв. А потом снова заинтересовались. Что-то вроде патриотизма было, или случайная мода подошла.

Тогда только что заводил беговую конюшню молодой граф Воронцов. Бега в ту пору были, извините за выражение, примитивные. Происходили они не на Ходынке, а на Пресне, на пресненских прудах, что против Зоологического сада. Не было тогда ни сулков, ни американок, ни оберчеков, ни бандажей, ни наглазников; летом гонялись на дрожках, зимою на легоньких санках.

Вот граф Воронцов возьми и влюбись в одного бырдинского жеребенка-трехлетка. Пристал к Бырдину без короткого — продай да продай. Давал две тысячи; по тому наивному и первобытному времени — сумма огромная. Бырдин — нет. Граф разгорячился: десять тысяч. — Нет! Рассердился граф: — сам назначай цену. Отвечаю. — Тогда этот упорный козел Бырдин говорит ему спокойно и, — как всем он всегда говорил, — говорит, по-московски, на ты:

— Видишь ли, граф: ты и молод, ты и красив, и многим взыскан от

бога, и государь к тебе ласков, и богат чрезвычайно, и женщинами любим. На кои ляд тебе мой жеребенок? Ведь это каприз у тебя, не больше? А для меня эта лошадка — моя последняя единственная радость. Давай, брат, разойдемся лучше по-хорошему и останемся приятелями. Жеребенка же не продам.

И граф понял, укротился. Потом друзьями стали. Много Бырдин ему дельными советами помог по устройству завода.

И еще: по рассказу А. Ф. Шереметева, замечательно принял Бырдин на своем заводе государя-императора Александра Второго. Царь любил лошадей и знал в них толк. Но все-таки как любитель, как, извините за выражение, дилетант, он предпочитал серых в яблоках. Самая нарядная, но и самая ненадежная масть. В гнедых и рыжих надо верить. Не скажу дурного слова и про вороных. Только без нужды горячи и скоро взмываются. Относится это отчасти и к караковым и к игреневым.

Царю рассказали про Бырдина. Он заинтересовался, Обещал приехать поглядеть Бырдинскую конюшню, которая помещалась тут же, на Пресне, вблизи бегового круга. И в самом деле приехал. Тогда еще цари держали твердо свое обещание, кому бы оно ни было дадено. И приехал не один, а втроем: с государыней-императрицей и с молодым наследником-цесаревичем. Три кресла были особам приготовлены: красный рытый бархат, а Ножки в антоновской позолоте, чистого листового золота. Потом эти кресла так и остались Бырдину на память; только он к ним на спинках укрепил золотые дощечки с именными надписями. И уж, понятно, никому на эти кресла садиться не позволял и сам не садился.

Встретил он царскую фамилию в воротах, обнажив лысую голову. Поклонился истово, по-прежнему, глубоким русским поклоном, коснувшись пальцами земли.

Государь ему говорит:

— Здравствуй, Бырдин.

Тот отвечает:

— Будь здоров и благополучен, царь великой России, со своей царской семьей и с твоими благими помыслами. Чаю, лошадок моих приехал посмотреть. Сделай милость. Вот тут удобнее присесть. Как прикажешь, батюшка, с фасоном лошадей выводить или без фасона?

Села фамилия. Государь улыбается. Красавец он был необыкновенный! Говорит:

— Ну уж, Бырдин, это твоя воля. Тебе виднее. Давай хоть с фасоном.

— Слушаю, отец наш.

Легонько плеснул ладошками: "Выводи!" Выводка — штука всегда

серьезная. Нечего говорить, Бырдинские конюхи немножко подготовились. Раскрылись сразу все конюшенные двери. Ведут конюхи лошадей, все по паре. Пара серых, пара вороных, пара золотых, пара рыжих, пара розовых, пара соловых. Пляшут кони, чувствуют на себе взгляд знатоков. И конюхи, как на подбор: красные шелковые рубахи, шляпы с павлиньими перьями, бархатные черные штаны, сапоги лакированные. Коней едва сдерживают на развязках. А Бырдин только слегка ручкой помахивает!; "Легше! Полегше!"

Дело было на масленой неделе. Значит, представьте себе: масленица и Москва! Небо ярко-синее, облака мчатся, как лебеди, солнце палит, точно летом, снег — цвета халвы ореховой, со всех семи холмов московских бегут-бегут веселые, говорливые ручьи; с ледяных сосулечек на карнизах звонко каплет теплая капель, будто многоцветные бриллианты падают, воробьи кричат так, что нет мочи; блинами по всему городу пахнет; воздушные шары гроздьями качаются на нитках; все блестит, сверкает, сияет, весной с юга тянет!.. Какова рамка-то для такой картины, как царская выводка лошадей? Красота!

Очень царь был доволен, не успевал хвалить лошадок бырдинских. Сказал адъютанту: "Запиши: Бырдину из моего кабинета золотые часы с вензелем".

Бырдин же был мужичонка не без лукавства. Надо сказать, что в Москве он только прижился, а сам был ярославец. Ярославцы, вы сами знаете, — русские американцы. Очень они простосердечны. Однако про их простоту недаром сложилась поговорка: ярославская простора, что мордовский лапоть — о восьми концах. Он вдруг и говорит государю:

— Батюшка-царь, знаю, что ты, подобно солнцу, всем даришь радость и тепло, и свет, и негоже твоим подданным делать тебе подарки. Однако позволь, император, заплатить тебе маленький должок.

Государь удивился:

— Что ты, Бырдин, за пустяки говоришь?

— Оно, конечно, пустяки, батюшка, а вот отменил ты крепостное право. Освободились мы, русские мужики, и многие в люди вышли, слава тебе, господи. Сам ты изволил мою конюшенку похвалить. Уж позволь, государь, привести тебе в Питер трех сереньких лошадок?

Император позволил. И, правда, доставили Бырдинские молодцы в государеву конюшню тройку отменных серых жеребцов.

II. Великий размах

После Бырдинских, извините за выражение, мифологических времен, — так продолжает беседу Н. К. Черкасов, — пошло вскоре рысистое русское дело вперед огромными шагами, точно надело семимильные сапоги-скороходы. Строже стал учет резвости, дойдя от четверти секунды до десятых долей. Беговые дорожки становились с каждым годом все точнее и ровнее. В Москве бега с Пресни перешли на Ходынское поле; в Петербурге — с Невы на Семеновский плац. Беговые дрожки и санки отошли в область преданий. При мне уже на дрожках ездили только приказчики хлебобобовых губерний и на легоньких санках — извозчики да купеческие сынки в Коломне и Серпухове. Установился для состязаний тип американской двухколески, на высоком и низком ходу, с крошечным сиденьем-блюдечком, с цепью стальных шариков в колесной втулке для легкости вращения, как у велосипедистов, с гуттаперчевыми шинами. В такой американке всякий лишний вес расчетливо удален прочь, и эту двухколесочку свободно может катить по беговой дорожке веселый семилетний карапуз. Дуговая запряжка и четыре колеса остались на бегах только так, в виде поблажки, в последних заездах, для городских экипажей.

Появились на русских ипподромах наездники-американцы. Высокая марка! Они нашим отечественным русопетам сначала могли пятьдесят очков вперед давать. Заметьте, нарочно упираю на слове "сначала". Американцы, зорко приглядевшись к русскому рысаку и русскому наезднику, высказали о них хотя и суровое, но все-таки очень лестное мнение.

"Если бы у нас в Америке, — говорили они, — выработался такой драгоценный беговой материал, как ваш орловский рысак, то мы давно уже показали бы миру настоящие чудеса во всех рекордах. И наездники русские, в большинстве превосходные, — замечательные наездники. У них и любовь к делу, и физическая сила, и чуткая гибкость рук, и несравненный глазомер, и удаль, и находчивость, и зоркость, и понимание лошади. Но, к сожалению, обоим — и коню, и ездоку, — не хватает одного пустика: той тренировки, какая в Америке уже ведется десятилетиями".

Лошадь требует постоянной работы над нею, работы терпеливой, настойчивой, планомерной и строгой. Все ее усилия в беге должны быть механически направлены к трем практическим целям: быстроте, выносливости и долгому дыханию. Красота на заднем плане.

В самом деле, поглядите на чистокровного и чистопородного орловца. Что и говорить, писаный красавец! Рост огромный, сам серый в темных яблоках, голова- загляденье, глаз огненный, белый хвост до земли. Словом, картина, пряник! А как он бежит! Шея круто собрана, передние ноги на ходу он выбрасывает круто вверх, чуть не до морды, да еще вышвыривает их от колен в бока. Жирные мяса трясутся, селезенка екает, снежные комья так и брызжут в стороны. Восторг!

Но, однако, шея, собранная колесом, мешает воздуху свободно проходить в легкие. Вычурное выбрасывание ног вверх и в стороны заставляет лошадь тратить силу и энергию на ненужные, непроизводительные усилия. Трясущиеся мяса заместо мускулов — только лишнее бремя...

Поглядите теперь, как бежит лошадь с американским тренингом. Первое, что поражает, — это необычайная легкость ее хода. Спина прямая, шея и голова вытянуты почти горизонтально. Вам кажется, что копытами она как будто не опирается на землю, а лишь отталкивается от нее. Издали какая-то козлиная или собачья рысь, и главное, совсем неторопливая, а между тем, с каждым этим непринужденным посылом ноги вперед, американец пожирает сажени и свободно обходит племенного топчущего орловца, несмотря на то, что, глядя со стороны, орловец — весь полет, стремленье, буря!..

И наружность у американца неважная. Как бы клячеват он, ребра можно все пересчитать, но когда увидишь под тонкой кожей стальные рычаги его плечей и выпуклые длинные мускулы ног и все это сухое тело — машину, в которой нет ни капли жира, — тогда поймешь, что в лошади, кроме лубочной красоты, может быть и красота, восхищающая сердце истинного спортсмена.

То же и о наездниках. Наездник должен — не только лошадь, но и себя самого держать в постоянной тренировке. Вот, например, в Москве было несколько толстозадых наездников, которые, кроме того, одевались в очень тяжелые путаные одежды. Им, видите ли, казалось, что вес важен только для скаковой лошади и что для беговой — разница в весе — пустяки. Нет, настоящий наездник никогда не должен забывать, что каждый сброшенный с его веса фунт — это прибавка одной десятой секунды к резвости в результате.

Еще: настоящий наездник, подготавливая лошадь к бегу, никогда не позволит себе лености, небрежности, пропуска времени и надежды на это дурацкое русское "авось", или "а вдруг", вместо спокойной и надежной уверенности в том, что он и лошадь вполне готовы к состязанию.

И еще: выезжать на беговую дорожку никогда не следует пьяным, или выпивши. Тут дело не во вреде для здоровья, а в том, что под влиянием вина, хотя бы у тебя и была голова ясной, ты все-таки мозгом и нервами совсем не тот человек, который вел подготовительную работу с лошадью. Пусть ни один человек на ипподроме — если ты крепок — не заметит твоего состояния. Лошадь непременно заметит! Они в привычках не только постоянны, но и упрямы, и перемены в руках, в посылке, в голосе и в запахе не любят. И они нервнее любой драматической актрисы.

Пить?.. Отчего же не выпить при подходящем времени и компании?.. Иной американский наездник за дружеской беседой, без всякого принуждения, не торопясь, высосет бутылку доброго Мартелевского коньяку VVSOP, и ничего с ним худого не станет.

Тоже вот жокеи: как они перед большими скачками спускают килограмма два с себя веса? Заберутся в так называемые римские бани, где градусов 60 жара по Реомюру, и потеют. А чтобы процесс потения шел быстрее, им подают шампанское во льду, и они его дуют без зазрения совести. Какие сердца надо иметь лошадиные! Но и у тех, и у других — закон: на ипподром выезжать как стеклышко. Да вот вам пример: в конюшне Лазаревой был негр Ганнибал. Чудесный жокей, прямо сказать — волшебный. Однако глотнул он перед стартом в буфете какого-то крепчайшего состава — так лошадь еще до скачки его с себя сбросила и все ему лицо ногами растоптала. Кончилась в миг один его карьера, и остался человек навеки уродом.

Помнить должен еще наездник, что лошадь гораздо щедрее, чем человек, одарена инстинктом и физическими чувствами. Правда, человек ее часто превосходит зрением, иногда и рассудком. Но слышит лошадь лучше кошки, обоняет тоньше собаки, к ходу времени и к переменам погоды она чувствительна не хуже петуха; в памяти мест, событий и впечатлений нет ей равного на земле животного; чувством темпа она обладает в такой же степени, как цирковой жонглер или первоклассная балерина. Кроме того, она еще нервна, мнительна и пуглива, но при хорошем воспитании и уходе она может сделаться и бесконечно доверчивой, и бесстрашной, и логичной. И надо дельному наезднику не забывать и того, что лошади, в сущности, совсем не свойственна рысь. Натуральные ее аллюры — шаг и галоп; недаром у нее задние ноги гораздо длиннее передних (как и у зайца, например; тот даже и шага не признает). Лошади здоровой, молодой, с добрым характером, внимательно обученной и вдобавок находящейся в хороших руках — не только в охоту, но в наслаждение бежать рысью со скоростью — верста в две минуты. Однако есть моменты, когда хороший

рысак, вопреки даже искреннему желанию и полному старанию бежать рысью, невольно стремится перейти в галоп, который был так свойственен его прапращурам в случае соперничества или опасности, Это бывает, например, тогда, когда рядом с ним, голова в голову, ноздря в ноздю, бежит равный по силам противник, с настойчивой мыслью обогнать. Тогда от страстного, благородного соревнования лошадь — увы!- мгновенно забывает о тщательном воспитании в чинной рыси, перестает слушаться вожжей, а в результате — пять сбоев в галоп, а там и проскачка.

Но бывает и обратное. Встречаются лошади, прекрасные по своим рысистым качествам, но, как говорится, "без сердца".

Они способны честно и старательно бежать с той предельной резвостью, какую от нее требуют и какую она в силах дать. Но все это только до борьбы. Едва начинает к такой лошади приближаться соперник, она уже волнуется и сдает, а когда противник выравнивается голова в голову, она бросает борьбу совсем. Таким рысаком "без сердца" был, например, знаменитый "Крепыш". Это был у него, кажется, единственный порок, не считая того, что он был несколько узкой лошадейю, не широк в ребрах, да впрочем и бабка была у него не надежна.

От множества причин еще может зависеть неуспех бега: лошади нездоровилось, а этого не успели доглядеть, проснулась в дурном настроении духа, видела, может быть, дурной сон, плохо кована и так далее. Кроме того, ее чертовская память! На беговой дорожке ей памятли все места, где она раньше засбоила, или была обойдена, или испугалась хотя бы занесенной ветром афишки, или была приведена в порядок хлыстом. А во всех перечисленных случаях, так же как и во многих других, только талант наездника спасает положение. Хороший наездник умеет все чувствовать вместе и одновременно с лошадейю. По косящему назад глазу, по настороженно задвигавшимся ушам и еще по какой-то необъяснимой душевной связи с лошадейю он чувствует ее волнение, упрямство, неуверенность, замешательство. У него есть много способов выправить и успокоить лошадей, и самый сильный из них тот, который не передать словами: если хотите — это гипноз, напряженная передача своей воли воле нервного и чуткого животного. Это умеют делать наездники, либо родившиеся на свет божий с призванием наездника, либо прошедшие длинный терпеливый искус.

— Мы, русские, — говорит Черкасов, — невольно должны были учиться у американцев, а кто не хотел учиться, тот все-таки подтягивался. Я с гордостью говорю, что моим учителем был Вильям Кэйтон, воистину король рысистого спорта... впрочем, они все трое были несравненные

наездники: и папаша Франк Кэйтон, и сыновья Самуэль и Вильям. Другие англичане: Женька Реймер и Стар-Чугунная Голова, — были сортом куда пониже. Им и до русских было не дотянуться, до Константинова, Кузнецова, Иноземцева, Силкина, Барышникова, Иосифа Линевича, Фина, Ситникова, ну, да и о себе позволю сказать в конце поминания...

Так вот, я и говорю, что для русского рысистого дела наступает какой-то пышный — извините за выражение — Ренессанс. Новые лошадиные крови, новый прием тренировки, новые рекорды, новые наездники. Конюшни строились с большой роскошью. Денег не жалели. Какие славные имена рождались и блистали на ипподромах... Могучий, Ирис, Прости, Питомец, Пылюга, Сетный, Крепыш, Зайсан, Летун, Лель, Плутарх, Лаковый, Варвар, Лакомый Кусочек, Боярышня... не перечислишь.

А владельцы! Воронцов, кн. Вяземский, Ознобишин, Неандер, Коноплин, Телегин, Мамонтов, Красовский, Лежнев, Богданов...

Вот о Телегине могу говорить без конца. Он был не только страстный любитель и величайший знаток лошадей. — Нет, он свою охотничью забаву соединял с пользой и славой России...

Об этом замечательном человеке Черкасов действительно рассказывает с увлечением и почти благоговейно. Да и трудно было бы найти во всей истории русского рысистого спорта другую фигуру охотника, коннозаводчика и лошадиного знатока, хотя бы издали похожую на облик Николая Васильевича.

Если кто полюбит по-настоящему наше конское дело, то уж это — навсегда, на веки веков. Отстать нельзя. Можно бросить вино, табак, азартную игру; женщины от тебя сами рано или поздно отвернутся. Но истинного любителя — прекрасный вид лошади, ее могучее ржание, ее стремительный бег, ее чистое дыхание, ее бодрый запах — будут волновать и тревожить неизменно до глубокой старости, до самой смерти, и я даже полагаю, что и после нее.

III. Могучий

Николай Васильевич с детства жил около лошадей. У отца его, отставного ротмистра, был свой завод в Курской губернии. Не очень большой, но заботливо поставленный.

Расширить дело старик Телегин не мог. Богаты Телегины были только древними дворянскими предками да, может быть, и не хватило энергии в возрасте преклонном.

Молодой Телегин с юности предался страсти к лошадям, и глаз на них природа ему отпустила самый пронзительный, так же как и тонкое понимание лошадиной души и характера. Вы скажете: это не мудрено приобрести, живучи на конском заводе? Нет, умение вникать в лошадь — это особый дар, который дается при рождении самой судьбою, подобно дару музыки, живописи и физической силы. Да вот вам пример: родной брат Николая Васильевича, — тот знал хорошо лошадь, понимал и любил ее и даже считался недурным спортсменом, но не было в нем этого горящего восторга, этого насквозь видящего взора на лошадь, этой твердой и растяжимой воли, как у брата.

Николай Васильевич по строению ума и по настойчивости мог бы сделать себе большую карьеру в любой отрасли: легко бы мог стать доктором, адвокатом, инженером или пойти по дипломатической части. Однако лошадь взяла верх. И прекрасно сделал молодой Телегин, что послушался своего призвания, а отец, что не противился душевному влечению сына, и вскоре старик, хотя и не без некоторого возмущения, должен был сознаться, что молодой отпрыск пойдет далее старой ветви.

Надо сказать, что ихний завод вел главным образом серую масть. Не знаю, было ли это пристрастие наследием от предков, или старый Телегин, будучи гвардейским кавалеристом, служил в полку, ездящем на серых конях, но он от этой любимой масти не отступал.

Конечно, серые кони очень хороши, когда выступает целый эскадрон этих красавцев, под всадниками, в полной парадной форме, с трубачами впереди. Слов нет, очень нарядны они в городской шикарной упряжке, при голубой, скажем, сбруе. Но скаковые и беговые знатоки этой горячей масти не очень доверяют.

Впрочем, насчет мастей есть у арабов очень недурная сказочка. Да верить ли ей?

Два араба, отец и сын, наделали каких-то бед во враждебном племени и

должны были спастись как можно скорее. Поехали они. Сын был совсем молодой. Не трус, однако от непривычки к подобным переделкам невольно волновался и торопил лошадь. Отец ему говорит: "Не спеши, береги коня. Придержи его. Будет погоня".

Через некоторое время, и правда, послышался сзади конский топот, видна стала пыль. Сын загорячился, а отец ему:

— Не бойся понапрасну. Обернись назад. Не увидишь ли, какой масти лошади?

Сын поглядел и говорит:

— Серые.

— Ладно, натяни поводья. Серые скоро пристанут. Скачут дальше.

Через небольшое время отрок снова

тревожится.

— О-отец! Слышится мне, погоня уже гораздо ближе.

— Будь спокоен. Погляди назад. Какие?

— Караковые, отец мой!

— Не торопись. Этим — не догнать. Отдай лишь чуть-чуть повода.

И в третий раз сын восклицает:

— Отец! Отец! Погоня близка. Вижу уже и лица всадников.

— Мать?

— Вороная.

— Еще не время. Надо беречь коней до последней минуты. Отпусти поводья, но держи крепко.

Наконец, топот стал слышен уже настолько близко, что сам эфенди оборотился.

— Вижу, — сказал он, — рыжих и гнедых. Это настоящие лошади. Дай коню шпоры, сын мой, и — Аллах ак-бар! Бог велик!

Самый старший Телегин в те дни уже не мог отдавать всего своего времени и всех забот заводу, ибо от паралича отнялась у него вся правая половина тела. Передвигался он с великим трудом, не выпуская из здоровой руки костыля, а больше его возили в легонькой колясочке. Сидя в этой коляске, он все-таки каждый день смотрел из окна на проводку и проминку, и как что бывало не по нем, стучал костылем о пол.

Вот как-то раз он и дознал, что в Орловской губернии, на заводе у Потební, продаются отличные жеребцы на племя. Не то, чтобы призовики, но высоких кровей; есть и молодые. И вовсе не дорого. Ликвидирует хозяин дело.

Позвал он сына.

— Ну, Николай, тебе уже 19 лет стукнуло. В лошадях ты толк мало-

мало знаешь. Теперь тебе пришло время оправдать себя. Надо нам на заводе кровь подновить. Поезжай к Потевне за жеребцом. Смотри, вся будущность телегинского завода в твоих руках. Эх, жаль, что сам не могу поехать с тобой, обезножил. Но тебе верю. Полагаюсь не так на твои знания, как на твое сердце.

Ступай. Вот тебе деньги. Особенно-то не скупись, если заметишь что ладное.

Отправился Николай Васильевич. Приехал на завод. Хозяин знал его по отцу, встретил радушно, все честь честью.

На другой день стали молодому Телегину выводку показывать. Удивительные лошади. Статьи и высококровность первейшие. Но вот вывели одного вороного чуть караковенького жеребчика, так лет пяти-шести. Тут у Телегина и сердце зашло. Ничего подобного он не только наяву, но и во сне не видел. Совершенная красота! Просто сказать: влюбился он в эту лошадь с первого мгновения, с первого взгляда, так же как вот юноша вдруг влюбляется в девушку.

Много их, прекрасных девиц, на виду: пятьдесят, сто... А сто первая уж так мила, что за нее жизнь отдать — одно удовольствие.

Однако и признака не показывал своего восторга, потому что в лошадином, охотничьем деле простота — качество совсем никуда не годное. Интересовался Николай Васильевич больше как будто серыми. Это, впрочем, никого не удивляло: всем было известно, что хотя на телегинском заводе немало хороших лошадей всяких других мастей, но главное предпочтение отдается серым.

Когда же Потевня стал расхваливать своего вороного жеребчика, то Телегин изображал на лице полное равнодушие. Говорил что-то сомнительное о почке, о ганахах, о путовом суставе...

Потевня думал про себя: "Молод еще, не `ук".

Но врезался вороной жеребчик до того в воображение Николая Васильевича, что тот и сон и аппетит потерял. Купить? А что отец скажет? Нарочно затянул срок отъезда. Каждый день ходил смотреть проводку, проминку, прикидку нарочно, чтобы еще хоть глазком на своего возлюбленного взглянуть.

Под конец решил: что бы там со мной ни стало — куплю жеребца. Хуже смерти на свете ничего не может случиться.

"Да ведь и не съест же меня отец?"

Отчаянный он вырос юноша, дерзновенный. Характер-то у старика Телегина — ого-го!

Однако пора же было и собираться домой. Хорош гость в гостинку —

есть такая неглупая пословица. Телегин сказал хозяину:

— Присмотрел я у вас двух, трех лошадок. Но без отца не смею решиться, боюсь маху дать. Вот отдам по-дробный отчет папаше, а уж там, как ему заблагорассудится, так, значит, и будет.

Потом, как будто вскользь:

— Вороного вашего жеребчика я бы, пожалуй, у вас купил. Не для завода, — вы сами знаете, что папа больше серыми интересуется — а, признаться, для самого себя, для собственной забавы. Красив он в одиночной запряжке будет. Если сходно, я сейчас бы и выложил наличными.

Но Потebня в лошадях тоже был великий дока. Стали они ладиться. Телегин, хотя и мальчик почти что, но торгуется кремнем.

Кончилось тем, что отдал Николай Васильевич все деньги, которые ему ассигновал отец, да еще остался должен полторы тысячи. Известно: раз отчаянный человек закутил всю, то ему уж битой посуды не считать. Да и за такую плату никогда не отдал бы Потebня жеребца, если бы не крайность: сын у него служил в лейб-гвардии гусарском полку, самом дорогом из всей гвардии. Дело молодое, зарвался: промотал кучу денег, влез в векселя, пришлось так, что только три выхода: либо выходи из полка, либо пулю в лоб, либо расплачивайся. Потebня считал, что почти даром вороного отдал. Во всю дорогу, когда взяли и вели лошадь, Телегин от нее не отходил. На конюхов не полагался. Да и не мог вдосталь надышаться на свое сокровище.

Домой пришли к вечеру. Николай нарочно растянул время до сумерек. Да еще провел лошадь по задкам, огородами, да по-за сараями. Все опасался: неровен час отец из окна выглянет.

Пришел к отцу, поздоровался.

— Привел?

— Привел, папа.

— Ладно. Завтра утром пусть выведут. Спокойной ночи.

Ну, какая там "спокойная ночь", когда сердце бьется, как овечий хвост.

Настало и утро. Старик велел себя снести на крыльцо, чтобы лучше видеть. Уселся, подбородком на костыль оперся. Сын рядом.

Вывели вороного жеребца. Старик от гнева и изумления сначала онемел, никак не мог раздохнуться. Кровь ему в голову бросилась, и глаза наружу вылезли. Потом прохрипел через силу:

— Это что же за чучело вороное? Откуда? Из погребальной процессии, что ли?

— Тот самый жеребец, которого я купил у Потebни. Поглядите, статьи-

то какие.

— Я же тебе приказывал серого! Как ты посмел меня ослушаться?

— Да ведь, папа, лучше этой лошади на всем свете нет... Поглядите статьи.

Тут старик вовсе взбесился. Метнул в Николая Васильевича костылем, на манер как Грозный Иоанн в своего сына. Попасть-то он попал, но, слава богу, костыль без острого наконечника, а удар старческий, слабый.

— И не смей мне никогда на глаза показываться! А этого траурного уroda татарам на махан велю продать.

Однако недолго оставался Николай Васильевич вне милости. Старик отходчив был. Посылает, наконец, за Сыном. Тот пришел, глаза долу, знает, что глубоко папеньку обидел.

— Становись, бунтовщик, на колени! Проси прощенья!

Тот опустил перед стариком на колени.

— Прости, — говорит, — дорогой папочка. Как увидел я этого жеребца, так сразу с ума сошел. Главное, статьи...

Тогда обнял старый Телегин сына за голову, притянул к себе, поцеловал в лоб.

— И ты меня прости. Ладно уж, признаюсь тебе, что на твоём месте и я бы не утерпел, нарушил бы родительскую волю, хотя скажу тебе, что дедушка твой раз в десять был меня покруче и на руку совсем не легок. Я вот все это время на вороного любовался, и с каждым днем он мне все больше и больше нравился. Правда твоя — статьи! Во многих, многих лошадях я Сметанкины черты подмечал и угадывал, а это — точно родной сын Сметанки. Небось, должен остался? Потebня ведь знаток.

— Полторы, папа.

— Дешевле пареной репы. Ну, вот: чтобы свою грубость загладить, дарю тебе эту лошадь, и будешь ты вместо меня всем заводом заведовать. Вижу я, вижу, что ты вознесешь высоко нашу беговую фамилию.

Жеребец этот был не кто иной, как знаменитый "Могучий". Ну-ка, подите, спросите о нем старинных завсегдатаев. При одном имени прослезятся. От него-то и пошел знаменитый телегинский завод. Какие лошади: "Ирис", "Варвар", "Метеор", "Тальони"! И ведь дожил, дожил-таки старик Телегин до той поры, когда слава о телегинских лошадях пошла по всей России.

Когда старый Телегин скончался, то разделился Николай Васильевич любовно с братом. Себе оставил завод, брату — деньги, дома, землю. Сам жил большею частью при заводе, а брату в столицы, ради спортивного дела, посылал молодых жеребят и маток...

Повел после смерти отца Николай Васильевич свое заводское и беговое дело на широкую ногу. Блестяще его поставил. Конюхи про него говорили: "Не иначе, как он слово знает". Знать-то он знал, и вовсе не рыбье или воробьиное слово, а для него, как в открытой книге, была понятна каждая капля крови в жилах каждой лошади. Уж он, как мудрец, как профессор, знал до тонкости, какую каплю с какой соединить для получения великолепной беговой лошади. И нельзя сказать, как говорили иные завистники, что ему "везло". Нет! Только труд и знание, опыт, любовь к делу... Ну и дар, понятно.

IV. Крутой характер

Другие коннозаводчики и владельцы обычно докладывали крупно, а то прогорали. А вот Телегин на одних призах себе крупное состояние сделал. Лошадей своих Телегин не любил продавать. "Ну зачем я продам лошадь, если мне ее жалко. Как расстанешься, если я ее еще как утробного жеребенка любил? Это — как матери отдать одного из сыновей в солдаты. Какого отдашь? И Сенюшку жалко, и Колюшка мил, и Петенька больно утешен. А мне зачем? Слава богу, одет, обут, сыт. Двух обедов не съем, двух штанов на себя не натяну". И очень часто из этой ревливой жалости отказывал он очень выгодным покупателям. А давали ему иногда за жеребенка-двухлетку до сорока тысяч тогдашними, золотыми российскими рублями, — целую гору! За лошадьми с кровью "Могучего" тогда все владельцы конюшен и коннозаводчики гонялись наперегонку. И надо сказать, все его потомство было резво и красиво до умопомрачения.

Был раз такой случай: поставила на Московском ипподроме его лошадка, всем известная рыже-золотая "Искра" всероссийский рекорд 2 м. 7½ секунд, побивши старый рекорд на целую секунду с четвертью. Не только Николай Васильевич был доволен — всем коренным москвичам это было праздником. Редко, когда любили знатоки лошадь так нежно и привязчиво, как любила Москва красавицу "Искру". Ведь вся ее блестящая карьера прошла на Ходынском поле. И не так за красоту ее обожали, и не за постоянные успехи, как за неизъяснимую прелесть ее наружности, бега и характера, подобно тому, как обожали и коноплинскую лошадь "Прости".

Верите ли, — никогда она не нуждалась ни в посыле, ни в хлысте. То, что могла она сделать, она радостно и усердно делала в полную меру своих сил, без всяких капризов или фантазии.

Право: ехать на ней было как-то даже жалко. Так казалось, будто ты, большой, тяжелый, неуклюжий, едешь на изящном, легком, умном человеке.

Именно такое чувство испытывают русские, когда впервые едут на японце-рикше. И кротость этой чудесной лошадки была какая-то женская или детская, во всяком случае, человеческая.

Вот таков же был, говорят, знаменитый французский стипльчезный крэк Heros XII... Жокей Митчель за всю долгую жизнь этой лошади ни разу не коснулся ее хлыстом. А ведь препятствия в Autenil — вторые после Ливерпульских по серьезности и опасности.

И вот, после того, как наездник, ехавший на "Искре", уже вернулся с весов, а победительницу, надевши на нее попонку, провожали после усиленного бега, взошел Николай Васильевич в членскую беседку. Навстречу ему приветствия, поздравления, протянутые бокалы с шампанским.

Тут же один из видных членов возьми и брякни словечко невпопад. Ведь знал же он резкий характер Телегина!

Был это Брежнев. В лошадином деле считался он вроде как не у шубы рукав, или иначе, пришей кобыле хвост. Но по натуре был он красив, беззастенчив, а с женщинами даже нагл. Женившись на очень богатой купеческой вдове, выбрался он из ничтожества в семью замоскворецких толстосумов. А еще больше питала деньгами, без отказа, всякую его взбалмошную затею старая мать жены, архимиллионерша, тоже вдова, известная даже сред" московских просвирен под прозвищем "бабушка".

При таких-то сдобных условиях не трудно было Брежневу щеголять отличной беговой конюшней, которую об служивали лучшие тренеры и первые наездники. Но сам он в городе был нелюбим за форс и за развязность.

Вот он-то и закричал навстречу Телегину:

— Слышь, Николай Васильевич, при свидетелях говорю: продавай кобылу. Любую цену дам, какую запросишь.

Телегин вдруг покраснел и весь напрягся.

— Не купить тебе, — говорит. — Продай всю свою конюшню да кстати и жену с бабушкой, а "Искры" тебе, как ушей своих, не видать.

Кругло было это сказано. Беговые тузы даже крикнули от удовольствия. Думали, что баталия произойдет. Но Брежнев ничего... съел...

Однако изредка бывали обратные случаи, когда Телегин проявлял неожиданную мягкость и уступчивость.

Однажды наездника Черкасова вызвали спешно в Мраморный дворец. Оказывается, ждали его два молодых князька, двое Константиновичей, тогда еще кадеты и по дяде своему, великому князю Дмитрию Константиновичу, начальнику Государственного коннозаводства, страстные поклонники конской охоты.

— Посмотрите, пожалуйста, какого мы рысака купили. Окажите по совести, напрямик, ваше мнение.

Черкасов пошел с ними в конюшню, посмотрел рысачка и сказал:

— Раз вы, ваши высочества, от меня истины потребовали, то извольте: лошадь никуда не годится. Вислозада, коротка, узка, с коротким дыханием, на все четыре ноги тронута. Одно лишь есть качество — нарядна; но в

работе сразу распустится и осядет. Обманули вас. Всучили одра.

Просто жалко смотреть, как огорчились милые молодые люди... Один говорит:

— Мы хотели наши два автомобиля продать, но папа не позволил.

А другой сказал:

— На пасху мы опять будем богаты. Скажите, Черкасов, можно ли у Николая Васильевича Телегина купить за десять тысяч порядочную лошадь? Телегин ведь, конечно не обманет.

Черкасов сказал, что попробовать во всяком случае можно. Важно лишь — какой стих найдет на Николая Васильевича. И действительно написал о князей просьбе в Москву, Телегину.

Великим постом приехал Никодай Васильевич в Петербург по тамошним беговым делам.

Занимался он как-то с Черкасовым вечером по конюшенной отчетности и вдруг вспомнил:

— Писал ты мне о княжатах, Константиновичах. Расскажи подробно.

Черкасов рассказал. О том, как их с рысаком надули жестоко, о том, как они свои автомобили продать ладили, о просьбе поговорить с Телегиным. Николай Васильевич улыбнулся:

— Охота смертная, да участь горькая. Ну что ж, надо мальчикам удружить. Все они, Константиновичи, в дедушку пошли: просты, доступны, ласковы. Их любят. И беднее всех других великих князей. Надо сделать юношам удовольствие. Давай-ка список просмотрим.

Тут и начались телегинские терзания. Ни с одним из рысаков он расстаться не может. У того отцовская кровь уж очень ценна, у другого дедушка был замечательный призер, та лошадь уже показала себя, другая — еще покажет. Этот жеребец в "Могучего" пошел, эта кобылка на "Ириса" похожа. Словом, как ни замахнется хозяин на какое-нибудь имя, так сейчас рука с карандашом опускается.

А у Черкасова был варанее намечен один жеребец по имени "Ореол". Раньше он ничем не выделялся, так себе, середина наполовину, но на последних прикидках в черкасовских руках стал постепенно показывать хороший ход и обещанную резвость. Дошла очередь до "Ореола". Телегин задумался:

— "Ореола" разве?

А Черкасов равнодушно:

— Про него ни дурного, ни хорошего сказать нельзя. Пороков нет. Бежит лошадь, но это не "Ирис" и не "Лавр". Трехлетком на верстовом заезде мало чего показал.

— А ну и дадим "Ореола". Да и что с мальчуганов драть сразу десять тысяч? Им на конфеты ничего не останется. Так ты распорядись, чтобы расплата шла из призов, которые "Ореол" возьмет. Да от меня поклон княжатам передай.

И что же вы думаете? Одними весенними призами Константиновичи с Телегиным поквитались.

Показал себя "Ореол" первоклассным рысачком. Телегин как-то потом сказал, шутя, Черкасову, когда речь зашла об "Ореоле":

— Признайся, Николай Кузьмич, обвел ты меня тогда с "Ореолом" вокруг пальца?

— Был тот грех, Николай Васильевич. Мальчики уж больно симпатичные. Да и любовь к лошадям такая горячая...

— Да ладно, ладно... Рад, что рысак в хорошие руки попал.

Телегин широко на беговое дело смотрел. Это была для него не личная забава, не утеха гордости или тщеславия, не прибыльное занятие. Нет! Лелеял он грандиозные мысли во всероссийском патриотическом плане. Давнишней мечтой его было устроить новый строго нивелированный ипподром, но не в столицах, а где-нибудь на юге, в Одессе, например, или в Севастополе, где воздух теплее и легче и насыщеннее кислородом от близости моря, где нет северных тяжелых атмосферных давлений.

— Там, — говорил он, — русский рысак в условиях, недалеких от калифорнийских, утрет нос американским рысакам и покажет себя в истинном блеске. Вот оно, дело государственное!..